

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ В ЛЕЧЕБНИКЕ XVII ВЕКА «ПРОХЛАДНЫЙ ВЕРТОГРАД»

Е.А. Галинская

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; eaagalinsk@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются краткие и полные действительные причастия, извлеченные из рукописного лечебника XVII в. «Прохладный вертоград» (РГБ ф. 317, № 8), на фоне данных других древнерусских и старорусских текстов из НКРЯ (ruscorgo.ru). Найден ряд примеров употребления кратких неизменяемых причастий (вернее, уже деепричастий), субъект которых не совпадает с субъектом основного действия, в качестве второстепенного сказуемого, при том что в берестяных грамотах XI–XV вв. и челобитных грамотах XVI–XVII вв. случаи такого рода единичны. В рукописи имеются также уникальные формы полных причастий настоящего времени с суффиксами *-уч-*, *-ач-*. Во всех текстах старорусского и древнерусского подкорпусов НКРЯ, исключая один — любовный заговор 1690–1710 гг., — обнаруживается лишь 5 примеров причастного использования слов *лежащий* (3 р.), *бъгающий*, *сѣдящий* и 26 примеров причастного употребления слова *будущий*, которое, видимо, имело особый статус. В любовном заговоре 1690–1710 гг. есть 6 форм с *ч*: *лежащий*, *сидящий*, *стоящий*, *ходящий*, *идущий*, *спящий*, 4 из которых совпадают с возникшими из них прилагательными. В лечебнике же зафиксировано лишь 1 причастие, ставшее в русском языке прилагательным: *текущий*, и 6 причастий, аналогов среди прилагательных не имеющих: *дрожащий*, *кашлющий*, *приимающий*, *растучий*, *спящий*, *травляющий*. При этом переводчик/переписчик лечебника чувствовал ненормативность причастий с *ч*, так как допустил гиперкоррекцию в написании прилагательного *падучий* (недуг/болезнь): *ω^m падүщего недүга*, так что, возможно, в его языковом сознании было больше причастий с суффиксами *-ач-*, *-уч-*, чем отразилось в тексте, но он умел делать пересчет ненормативных форм на нормативные.

Ключевые слова: памятники древнерусской и старорусской письменности; лечебник XVII в.; деепричастия; полные действительные причастия настоящего времени

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-04-4

Для цитирования: Галинская Е.А. Особенности употребления и образования действительных причастий в лечебнике XVII века «Прохладный вертоград» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 43–54.

SPECIAL ASPECTS OF THE USE AND FORMATION OF ACTIVE PARTICIPLES IN THE 17th-CENTURY MEDICAL GUIDE *PROKHLADNYI VERTOGRAD*

Elena A. Galinskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; eagalinsk@mail.ru

Abstract: The article examines short and full active participles extracted from the handwritten medical book of the 17th century *Prokhladnyi Vertograd* (RGB f. 317, No. 8), against the background of data from other Ancient Russian and Old Russian texts presented in the National Corpus of the Russian Language (ruscorpora.ru). A number of cases of multi-subject use of short participles (or rather, adverbial participles) as a secondary predicate have been found, despite the fact that in birch bark letters of the 11th–15th centuries and petition letters of the 16th–17th centuries, examples of this kind are isolated. The manuscript also contains unique instances of the use of full present participles with the suffixes *-uch-*, *-ach-*. In all the texts of the Ancient Russian and Old Russian subcorpora, with the exception of one (a love spell from 1690–1710), only 5 examples of the participial use of the words *lezhachii* (3 times), *begayuchii*, *sedyachii* and 26 examples of the participial use of the word *buduchii*, which apparently had a special position, are found. In the love spell of 1690–1710, there are 6 forms with **ch**: *lezhachii*, *sidyachii*, *stoyachii*, *khodyachii*, *iduchii*, *spyachii*, 4 of which coincide with the adjectives that arose from them. The medical book records only 1 participle that became an adjective in Russian: *tekuchii*, and 6 participles that have no analogues among adjectives: *drozhachii*, *kashlyuchii*, *priimayuchii*, *rastuchii*, *spyachii*, *travlyayuchii*. At the same time, the translator/copyist of the medical book felt the non-standard nature of the participles with **ch**, since he allowed hypercorrection in the spelling of the adjective *paduchii*: *ot padushchego neduga*, so, perhaps, in his linguistic consciousness there were more participles with the suffixes *-uch-*, *-ach-* than were reflected in the text, but he knew how to convert non-standard forms into standard ones.

Keywords: Ancient Russian and Old Russian manuscripts; a medical book from the 17th century; adverbial participles; full active participles of the present tense

For citation: Galinskaya E.A. (2025) Special Aspects of the Use and Formation of Active Participles in the 17th-Century Medical Guide *Prokhladnyi Vertograd*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 43–54.

Лечебник XVII в. «Прохладный вертоград» (полное название — «Книга, глаголемая Прохладный вертоград, избранная от многих мудрецов о различных врачейских вещех ко здравью человеческому пристоящих») дошел до нас в целом ряде списков XVII и XVIII вв. Сборник был переведен подъячим Андреем Никифоровым в 1672 году. В одном из списков имеется запись переводчика: «Сия книга прохладный вертоград или лечебник переведен с немецкова аптекарского лечебника Земьскова приказу подъячим Андреем Микифоровым с немецкова языка на русской в лето 7180-го году»

(ГПБ, собр. Погодина, № 1682, л. 279 об.). В другом списке есть запись П.М. Строева: «Перевод книги Hortus amoenus, сделанный в 1672-м году Земского приказа подъячим Андреем Никифоровым с оригинала, находившегося в Аптекарском приказе» (ГПБ, собр. Погодина, № 1683). При этом существует мнение, что перевод мог быть сделан не обязательно именно с немецкого языка, но и с какого-то другого, возможно, с латинского, на что указывает название «Hortus amoenus»¹. Впрочем, иностранный оригинал до нас не дошел. В книге содержатся сведения о лечебных свойствах растений, животных, птиц, рыб, минералов и т.д., она служила учебным пособием для медицинских школ и практическим руководством для врачей [Словарь книжников и книжности: 84–85].

Текст «Прохладного вертограда» написан на гибридном церковнославянском языке с существенным сдвигом в сторону русской реализации маркированных признаков. Для исследования был выбран акцентуированный список XVII в. РГБ ф. 317, № 8 (254 л.), цифровая копия которого выложена на сайте РГБ (<https://lib-fond.ru/lib-rgb/317/f-317-8/>).

В лечебнике обнаруживаются интересные явления, связанные с краткими и полными формами действительных причастий.

Как правило, **краткие** причастия, выполняющие роль глагольных обстоятельств, вернее уже деепричастия, употребляются стандартно: субъект дополнительного действия, выраженного деепричастием, совпадает с субъектом основного действия, например:

(1) *а варѣмъ еѣ рѣжучи мѣлко в водѣ* 60.

(2) *сѡкъ же существенѡ соло^окого дубѣа полагае^м в рѡтъ и розжѣвѣ глотае^м* 116 об.

(3) *и ту воду сливши и пѣки инѡю водѡю нали^ть* 147 об.–148.

Но нередко встречаются и построения, где субъекты основного и дополнительного действий не совпадают:

(4) *крѡвь голу^бѣна^а котѡра^на испѡ^о кры^лѣ ѡчемъ крѡвавы^м двѡбрѣ пѡсоблѣаетъ понемногу впу^ща^ючи* 95 об.

(5) *помаз^ую^чи или плѣстырь приклѣдыва^ючи распѣдлины рѣа лечѣ^ть* 106 об.²

¹ Такому решению вопроса не противоречит латинское наименование, встреченное в исследуемой рукописи: *масло ѡлиумъ кастѡрѣумъ си рѣчь масло из струи бѡбрѡвые* 206 (лат. *olium castoreum* — секрет, выделяемый бобрами из анальных желез, имеющий сильный запах).

² Здесь представлена широко распространенная в лечебнике модель со значением «констатация действия с некоторым предметом/веществом — эффект от этого действия», вторая часть которой передается двусоставным предложением с опущенным подлежащим, которое можно восстановить как «то», или «оно», на-

(6) а дѣлѣ того ёсть вещь нѣкая травляющая и внѣтъ не прїемающая но сверху **прикладываючи** лутчеи воскъ кои бывають 107.

(7) воскъ ѿ^м смягчаетъ вся болячки и на тяжелость грудѣи поспособлетъ с масломъ тѣмъ **прикладываючи** 107.

(8) инбирю толченѣго по^лтора золотника прїято в ѹксусе **ложася** спать тогда вредительную мокрость пото^м выгонитъ 112.

(9) сѣмянники варены в винѣ и к тому **прибавляюще** малѣнко инбирю обоихъ поровну толченѣи и прїято ѿтворитъ залеганіе жилъ печѣнныхъ 126.

(10) лїствіе руты огородные прїято с винными кѣгодами да съ кѣдры грѣцки^х орѣховъ и **смѣшавъ** то подобно мазуни и тотъ прїятъ мазунъ во время моровѣго повѣтрїа сохранѣетъ чѣлка ѿ^м губительнаго повѣтрїа 132 об.–133.

(11) ѣлъ пшеничної да мука сѣяная начмѣнная ѿбоихъ поровну **смѣшавъ** с сахаромъ головнымъ и то будетъ аки порошокъ 48.

(12) каша варенѣ в мукѣ начмѣнной с водою **подсытивъ** сахаромъ головнымъ 49 об.

(13) рѣпа варенѣ в водѣ и потѣмъ прїята с свѣжимъ молокомъ коровьимъ **поваривъ** ея в немъ пространствѣ жиламъ в пѣрстѣхъ творитъ 56 об.

Для древнерусского языка подобное употребление причастий в качестве второстепенного сказуемого было нехарактерно. Так, во всем подкорпусе берестяных грамот НКРЯ (ruscorpora.ru, дата обращения 14.03.2025) найден только один пример, который, однако, требует комментария. В грамоте № 414 (1340–1360) читаем:

(14) покло ѿ^м филикса ко смену и ко юргю на божь полжено и на васо аже {бу}
что прибытка вовъса будете то вложи
во церкове : а что буде надобе жене
можи и ты брате смене даи жене
можи а азѣ тебе много кланяюся

Перевод А.А. Зализняка: «Поклон от Филикса Семену и Юргию. Надежда на Бога и на вас. Если будет сколько-нибудь прибыли в весе (?), то положи в церковь. А если что будет надобно жене моей, то ты, брат Семен, дай жене моей. А я тебе низко кланяюсь» [Зализняк 2004: 546].

Однако А.А. Гиппиус и Д.В. Сичинава дают другое толкование вовъса, которое позволяет не предполагать нестандартное окончание М.п. -а. По их мнению, это деепричастие от взвѣсити с пропу-

пример: гѣрлицы же прїаты в брѣшнѣ || ѡстрѡсть рѣзуму навѡдитъ 97 об; слївы зрѣлые прїаты . || бѡлши нѣтъ двїжетъ нѣжели сухїе 76 об.

ском **з** (в этой грамоте есть и другие пропуски букв) [Гиппиус, Сичинава: 204–205]. Перевод по сути дела не меняется, но, если это действительно деепричастие, то его субъект не совпадает с субъектом основного действия, дословно: *если будет прибыль, взвесив*.

Материал челобитных грамот XVI–XVII вв. (а челобитные — это источники, которые из всех жанров деловой письменности наиболее приближены к живой речи), представленный в старорусском под-корпусе НКРЯ (ruscorpora.ru, дата обращения 27.03.2025), также показывает минимальную употребительность деепричастий, имеющих субъект, не совпадающий с субъектом основного действия. В 217 текстах обнаруживается 627 деепричастий, и лишь в 12 контекстах (1,9 %) их субъект иной, чем у основного действия, например:

(15) *А которые, государь, моя братья <...> прежь меня посыланы были на твоихъ государевыхъ конехъ, имъ за такую службу дано твое государево жалованье по десяти рублевъ, **пѣдучи** въ Азовъ* [Челобитная пятидесятника Данилы Болдыря, провожавшего Онуфрия Кожухова в Азов <...> [(1639.09.03)].

Таким образом, лечебник «Прохладный вертоград» второй половины XVII в. отличается от упомянутых деловых текстов XVI–XVII вв. тем, что нестандартное построение предложения с деепричастиями представляет собой в нем вполне обычное явление.

В текстах XVIII в. подобные построения становятся существенно более частотными. Как полагал Л.А. Булаховский, у ряда авторов это происходило «не без поддержки впечатлений от французского языка» [Булаховский 1958: 400]. М.В. Ефремова [2025] объясняет применительно к текстам разных жанров XVIII в. нестандартное употребление деепричастий эволюцией грамматической семантики этой глагольной формы. На первом этапе, по мнению М.В. Ефремовой, происходит закрепление обстоятельственного значения за синтаксически самостоятельной деепричастной предикацией, которая может присоединяться к главной предикации сочинительным союзом, например:

(16) *И как там в последовавшие веки великое богатство обретоно, что свидетельствуют славные миснийские и герцинские заводы, так и в России того же ожидать должно, **а** особливо **имея** к тому не токмо довольные опыты, но и очевидную прибыль* [М.В. Ломоносов. Слово о пользе химии, в публичном собрании императорской Академии Наук <...> (1751)].

На втором этапе смысловая зависимость деепричастной предикации приобретает формальное выражение: сочинительный союз заменяется на подчинительный. Ср. приводимый М.В. Ефремовой пример:

(17) *Роги оныя хотя внутреннею истностию протчим рогам зверей и скотов не подобны, обаче видя, что олени и лосиные роги також скотским не подобны, но тверже, то можно быть другим и еще тверже* [В.Н. Татищев. Сказание о звере мамонте (1730)].

Правда, союз *обаче* сочинительный, а не подчинительный (имеет значение 'однако, впрочем, а все-таки') [СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 12: 12], и к тому же нельзя не заметить, что практически все примеры, демонстрирующие положение дел на втором этапе, извлечены из более ранних текстов, чем те, что иллюстрируют ситуацию на первом этапе, хотя, возможно, это обусловлено ограниченностью объема статьи М.В. Ефремовой и, вследствие этого, чрезвычайно малым количеством приведенных контекстов.

На третьем этапе деепричастная клауза перестает быть предложением, так как исчезают союзы, которые связывали деепричастную и главную предикации, и деепричастие приобретает грамматическое значение глагольного обстоятельства, но субъекты при деепричастии и сказуемое могут еще различаться, что представляет собой следствие прежней предикативной самостоятельности деепричастия. Ср.:

(18) *Добронравова радость, увидя сына, была чрезмерна* [Н.И. Новиков. Пустомеля. Ежемесячное сочинение, 1770 год месяц июнь (1770)].

(19) *И, учредя то войско, велено ему ехать в Россию* [А.М. Макаров (ред.). История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721)]. [Ефремова 2025: 172–176].

Впрочем, и здесь пример (19) имеет датировку более раннюю, чем примеры (16, 17), являющиеся иллюстрацией ситуации, существовавшей на втором и третьем постулируемых М.В. Ефремовой этапах. Да и в лечебнике «Прохладный вертоград», который датируется XVII в., предикативного употребления деепричастий, которое, по мнению М.В. Ефремовой, дало в XVIII в. толчок к появлению полисубъектных предложений с деепричастиями, не встречено, а предложения такого типа, как было показано выше, в лечебнике редкостью не являются, так что, возможно, механизм их появления был другим, чем предполагает М.В. Ефремова.

Перейдем к **полным** действительным причастиям настоящего времени. История их такова: некоторые древнерусские причастия с суффиксами *-уч-*, *-ач-* подверглись адъективизации, в результате чего в русском языке появились прилагательные типа *колючий, жгучий, горячий, висячий, сидячий, стоячий, ходячий*, тогда как те причастия, которые не были затронуты этим процессом, из языка исчезли (ср. отсутствие слов типа **пишущий, *видячий*), а современные причастия с суффиксами *-ущ-*, *-ащ-* усвоены литературным

языком из церковнославянского [Галинская 2016: 405–406]. Однако единично полные причастия с суффиксами *-уч-*, *-ач-* в древнерусских и старорусских источниках встречаются. Так, во всем **древнерусском** подкорпусе НКРЯ (дата обращения 31.03.2025) имеется 1072 примера полных действительных причастий настоящего времени. В двух случаях представлены формы с **ч**, причем в субстантивированном употреблении:

(20) *не блшеть бо лзть ни **бъгающимъ** оутечи. зане яко стьнами силнами шгорожени блхоу. полкы половцьскими* [Киевская летопись (1119–1199)].

(21) *мьстиславъ же ш светъ заоутра. видтьвъ **лежащий** стьчены. ш^м свои(х) стьверъ* [Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку (1110-е)].

По запросу «полные действительные причастия будущего времени» обнаруживается формула «по томъ будучи» ‘тот, кто будет после кого-то’ в текстах делового содержания конца XIV в., написанных на деловом языке Юго-Западной Руси (всего 8 примеров), ср.:

(22) *и з божееі мл(с)ти королеви польскому князю великому литовському и дьдичю оусеі рускої земль господареви нашему милому и шсвтьченоі адвизть и з божееі мл(с)ти кролици польской и іхъ дьтемъ по томъ **будучимъ** и корунъ польской и слубили есми и слубуемъ вьрне быти* [Присяга молдавского воеводы Романа королю Владиславу II Ягайлу и его наследникам {Сучава} (1393)].

Во всем **старорусском** подкорпусе НКРЯ (дата обращения 31.03.2025) найдено 21 040 примеров полных действительных причастий настоящего времени, среди них — 7 лексем с суффиксами *-уч-* и *-ач-*: *лежащий*, *судящий*, *стоящий*, *ходящий*, *спящий*, *идущий*, *будущий*. Четыре первых слова сохранились в русском языке как прилагательные, и в ряде старорусских контекстов они уже и ведут себя как прилагательные, часто субстантивированные.

Лексема *лежащий* 4 раза употреблена как в прилагательное в сочетаниях *у вяза у **лежачего***, *от вяза от **лежачего***, *на **лежачей** дуб*, *от жженого дуба от **лежачего*** и лишь 2 раза в качестве причастия:

(23) *хотѣлъ битъ ево Савку **лежачего*** [Дело о причинении во время драки увечья, имевшего последствием своим смерть изуверченного (1697.04.24)].

(24) *А как повалитце стреляючис[ь], и ты в **лежачег[о]** стреляя* [Наведение порчи (вторая четверть XVII в.)].

Слово *судящий* 10 раз используется как прилагательное в составе устойчивых сочетаний *судящий бояринъ* или *судячая боярыня* (свадебные чины участников древнерусского бракосочетания: гости, которые не ходят в церковь с новобрачными, а сидят за столом с ро-

дителями [Словарь обиходного русского языка. Вып. 1: 258]) в тексте [Чин свадебный (XVI в.)]. Только 1 раз эта лексема выступает в роли субстантивированного причастия:

(25) *Приходили литовския люди въ Псковщину от от Оулеха городка, псковския волости вывоевали <...>; на **судячих** пришли без вѣдома, и полому много взяша* [Псковская 3-я летопись: Строевский список (XV — первая половина XVI в.)].

Лексема **стоячий** бывает только прилагательным (всего 6 примеров), ср.:

(26) *на дуб на великой на **стоячей*** [Разъезжая грамота И.С. Головы Лыкова <...> (1499.04)].

(27) *Понагяя золота съ чернью, въ ней на яхонтѣ на лазоревомъ рѣзанѣ образъ Спасовъ **стоячей*** [Опись [Московского Успенского собора] (1627)].

Прилагательное **ходячий** встречено в сочетании *московские деньги ходячие* (настоящие, неподдельные деньги, официально принятые при расчетах в Московском государстве [Словарь обиходного русского языка. Вып. 5: 149]).

Есть лишь один текст, а именно любовный заговор, в котором вышеупомянутые слова, а также не ставшие в русском языке прилагательными *спячий* и *идущий* употребляются в роли причастий (выделены полужирным шрифтом):

(28) *Не пади, моя река огненная, ни в мед, ни в патоку, ни в зеленое вино, <...>, ни на землю, ни на лес, ни на птицу пролетучую, ни сидя-чю, ни на зверя прорыскучего, ни ходячего, ни стоячего, ни спячего, ни на скотину четвероногую <...>, ни на какого человека, кроме сей девицы и [мярек] волосом и кровью, в еи ясные (такие-то) очи, и в (такое-то) лицо, и в горячую кровь, <...> и во весь еи стан человеческий, в парное еи тело нагое в (таком-то) платее, **стоячих, сидячих, лежачих, спячих, ходячих** и дорогой **идущих**, в еи згляд (такой-то)* [Любовный заговор (1690–1710)].

Этот один из наиболее обширных дошедших до нас любовных заговоров опубликован в [Русские заговоры: 369–371]. Сборник, в который он входит (НБУ. Ф. 301. Ед. хр. 455. Конец XVII — начало XVIII в.), по мнению А.Л. Топоркова, возможно, происходит из старообрядческой среды, на что указывает использование формы *Исус* (л. 2, 6) вместо *Иисус*, «Во веки веком» (л. 3, 6 об.) вместо «Во веки веков» [Там же: 412].

Можно заметить, что группа субстантивированных причастий из последней части отрывка синтаксически не связана ни с левым, ни с правым контекстом. Видимо, переписчик здесь ошибся. Заговор включает в себя 12 формул [Там же: 415], и тут представлены первые две: 1) из уст имярека течет огненная река; 2) пусть огненная река

не падает никуда, кроме тела девицы. Скорее всего, фрагмент *стоячих, сидячих, лежачих, спячих, ходячих и дорогой идущих* изначально стоял перед словами *ни на какого человека* (подчеркнуто пунктирной линией), после того как сказано, что огненная река не должна пасть ни на какое животное. В оригинале явно говорилось, что она не должна пасть и на людей, *стоячих, сидячих, лежачих, спячих, ходячих и дорогой идущих*, и далее по тексту: *ни на какого человека, кроме сей девицы*.

Примечательно, что в первый ряд причастий вставлено два квазипричастных образования *пролетучую* и *прорыскающего* (выделены сплошным подчеркиванием).

В старорусском подкорпусе так же, как и в древнерусском, встречается причастие **будущий**, но его формы размечены, в отличие от древнерусского подкорпуса, как формы настоящего времени, и употребляется оно в основном не так, как в югозападнорусских текстах конца XIV в. (см. выше).

В большинстве случаев **будущий** имеет значение 'находящийся' (всего 15 примеров), ср.:

(29) *просит его курфистръская пресветлость о князе Богуславе Радивиле, чтоб ево город Слуцк, тако ж ратные люди и жилцы, в городе **будущие**, от его царского величества ратных людей заиманы не были* [Письмо посланника, поданное в Посольский приказ <...> (1658.02.11)].

(30) *...о чемъ они всть чрезъ пословъ своихъ, въ Польшь **будущихъ**, домогалися того и домогаютца накръпко* [Грамота Петра I датскому королю Христиану V (1697.07.16)].

В одном тексте причастие обозначает состояние, которое наступит после момента речи:

(31) *отца нашего, блаженные памяти великого государя, его царского величества, и дѣтей его, и наслѣдниковъ, и впередъ **будущихъ** великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ королевскому величеству, и его дѣтемъ, и наслѣдникомъ, и впредь **будущимъ** королемъ полскимъ <...> во всякихъ писмахъ писать и имяновать во всемъ противъ того, какъ въ вѣчномъ докончанъи написано* [Царская грамота к датскому королю Фредерику III, [...] (1653.11.29)].

Один раз причастие передает значение состояния, наблюдавшегося до момента речи:

(32) *А что ваше жь курѣистрское пресвѣтлѣйшество въ помянутомъ своемъ писаніи доложили о розголошенныхъ въ вашихъ мѣстахъ нѣкоторыхъ о войскахъ нашихъ, прежде сего подѣ Азовомъ **будущихъ**, вѣдомостяхъ, и та вѣдомость вашему курѣистрскому пресвѣтлѣйшеству знатно учинилась отъ нѣкоторыхъ недобро-*

хотныхъ намъ людей ис Полии [Грамота Петра I бранденбургскому курфюрсту Фридриху III (1696.07.11)].

И, наконец, в одном случае, видимо, имеет место описка: *будучимъ* употреблено вместо *будучи*:

(33) *И тебѣ бѣ полковнику Онтону, помня предѣ Богомъ свое обѣщаніе, какѣ вы намъ великому государю обѣщались предѣ святымъ евангеліемъ съ войскомъ запорожскимъ **будучимъ**, нашего царьского величества отъ непріятеля, отъ свейского короля, отлучится* [Царская грамота киевскому полковнику Антону Ждановичу [...] (1657.05.29)].

Таким образом, причастие *будучий* по сравнению с другими причастиями с **ч** имело особый статус: в древнерусском подкорпусе найдено 8 его употреблений, а в старорусском — 18, при том что других причастий с **ч** найдено лишь 5 (3 в древнерусском подкорпусе и 2 в старорусском), если не считать тех, которые зафиксированы в специфическом по жанру любовном заговоре.

Обратившись к лечебнику «Прохладный вертоград», мы можем увидеть, что он обладает той же спецификой, что и любовный заговор: здесь наряду с преимущественным употреблением стандартных причастий с суффиксами *-ущ-*, *-ащ-* (примеры ввиду их стандартности не приводятся), встречаются и причастия с суффиксами *-уч-*, *-ач-*. Материал лечебника таков:

(34) *тѹ же масть виномъ ро³вѣсть соста³вы **дрожачіе** *уздравлѣетъ* 83– 83 об.*

(35) *жѣлчь же егѡ на шпрѣлые ѡчи и на **текучіе** добра естъ* 94.

(36) *рыбы же котѡрыѣ изъ моря выходатъ в **текучіе** рѣки и живутъ в нихъ тогда бывають лѹтчіе* 104 об.

(37) *срдѣце совинѡ *аще* кто приложитъ к женѣ **спячеи** к лѣвому боку тогда сама на себѣ все выскажетъ* 97.

(38) *помазѹючи или плѣстырь прикладываючи распѡдлины ртѣ лечитъ вѡду моче³вѹ порушѣетъ живѡтъ ѡм³ягчѣетъ **кашлючимъ** пособлѣетъ* 106 об.

(39) *аще дѣтемъ **растүчие** зѹбы помазѹешъ тогда бе³ болѣзни ростѹтъ* 107.

(40) *а длѹ того естъ вѣщъ нѣкаѹ **травлѹчаѹ** и внѹтрѣ не **примѹчаѹ*** 107.

При этом, если в заговоре употреблены 4 причастия, параллельно с которыми функционировали возникшие из них прилагательные: *лежащий*, *сидящий*, *стоящий*, *ходящий*, и только 2 причастия, в дальнейшем полностью утратившиеся: *идущий* и *спящий*, то в лечебнике зафиксировано лишь 1 причастие, ставшее прилагательным: *текущий* (2 р.), и 6 причастий, аналогов среди прилагательных не

имеющих: *дрожащий, кашлючий, принимающий, растучий, спячий, травляющий*.

В лечебнике нередко используется возникшее из причастия прилагательное *падучий* в сочетании с лексемами *недугъ, болѣзнь, немощь*, например:

(41) *крѡвь швѣчью с винѡмъ пѣта падучюю болѣзнь ѡ^мдалидетъ* 82 об.–83.

(42) *обдѣржани сѹтъ падучею немощію* 130.

Но в одном случае в таком прилагательном появляется *щ*:

(43) *щѣлка сохраниетъ ѡ^м падущего недѹга* 129.

Это значит, что переводчик или переписчик лечебника чувствовал ненормативность причастий с *ч* и допустил здесь гиперкоррекцию, то есть, в принципе, возможно, что в его языковом сознании было больше причастий с суффиксами *-ач-*, *-уч-*, чем отразилось в тексте, но он умел делать пересчет ненормативных форм на нормативные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1958.
2. Галинская Е.А. Историческая грамматика русского языка. Фонетика. Морфология. М., 2016.
3. Гиппиус А.А., Сичинава Д.В. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот [XIII]; предварительная публикация // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2 (42). С. 178–259.
4. Ефремова М.В. *Подъезжая к станции, у меня слетела шляпа*: о генезисе ошибочных построений с деепричастным оборотом // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2025. № 1. С. 171–179.
5. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
6. Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / Составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А.Л. Топоркова. М., 2010.
7. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII в., ч. 1: А—З. СПб., 1993.
8. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1–9, СПб., 2004–2020.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–32. М., 1975–2023.

REFERENCES

1. Bulakhovskii L.A. *Istoricheskii kommentarii k russkomu literaturnomu yazyku* [Historical commentary on the Russian literary language]. Kiev: Radyan'ska shkola, 1958. (In Russ.)
2. Efremova M.V. *Pod"ezzhaya k stantsii, u menya sletela shlyapa*: o genezise oshibochnykh postroenii s deeprichastnym oborotom [Approaching the station, my hat flew off: on the genesis of erroneous constructions with adverbial participial]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*, 2025, 1, pp. 171–179. (In Russ.)

3. Galinskaya E.A. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Fonetika. Morfologiya [Historical grammar of the Russian language. Phonetics. Morphology]. Moscow: URSS, 2016. (In Russ.)
4. Gippius A.A., Sichinava D.V. Popravki i zamechaniya k chteniyu ranee opublikovannykh berestyanykh gramot [XIII]: predvaritel'naya publikatsiya [Corrections and comments on the reading of previously published birch bark letters [XIII]: preliminary publication]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2021, 2 (42), pp. 178–259. (In Russ.)
5. *Russkie zagovory iz rukopisnykh istochnikov XVII — pervoi poloviny XIX v.* [Russian spells from handwritten sources of the 17th — first half of the 19th century. Compilation, preparation of texts, articles and comments by A.L. Toporkov]. Moscow: Indrik, 2010. (In Russ.)
6. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. Vyp. 3: XVII v., ch. 1: A—Z.* [Dictionary of scribes and literacy of Ancient Rus. Issue 3: 17th cent., part 1: A—Z]. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1993. (In Russ.)
7. *Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoi Rusi XVI–XVII vekov. Vyp. 1–9* [Dictionary of the colloquial Russian language of Muscovite Rus' in the 16th–17th centuries. Issues 1–9]. St Petersburg: Nauka, 2004–2020. (In Russ.)
8. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 1–32* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries. Issues 1–32]. Moscow: Nauka / Nestor-Istoriya, 1975–2023. (In Russ.)
9. Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskii dialect* [Old Novgorod dialect]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. (In Russ.)

Поступила в редакцию 07.04.2025

Принята к публикации 17.06.2025

Отредактирована 23.06.2025

Received 07.04.2025

Accepted 17.06.2025

Revised 23.06.2025

ОБ АВТОРЕ

Елена Аркадьевна Галинская — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; eagalinsk@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Galinskaya — Prof. Dr., Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; eagalinsk@mail.ru